

УДК [327+316.77]:004.738

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
И ФОРМИРОВАНИЕ «ГЛОБАЛЬНОГО СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА»***А. В. Андреев***GLOBALIZATION, «INFORMATION TECHNOLOGIES»
AND THE FORMING OF «GLOBAL NETWORK SOCIETY»***A. V. Andreev*

В статье рассматриваются актуальные социальные и политические проблемы, возникшие в различных странах на рубеже XXI столетия вследствие формирования «глобального информационного общества». Это в корне изменяет ситуацию в области политических коммуникаций. Система государственного управления также коренным образом изменяется в направлении фрагментации и децентрализации.

This article considers the actual social and political problems arising in various countries on the threshold of XXI century cause of forming of the «*the Network Society*». It deeply changes a situation in the political communications field. But the state governance system is deeply changing in direction of fragmentation and decentralization.

Ключевые слова: информационная революция, глобальное информационное общество, глобальные изменения, мировой политический процесс, политические коммуникации.

Keywords: the Information Revolution, *the Global Information Society*, global changes, global political process, political communications.

Понимание природы и характера происходящих сегодня в глобальном масштабе изменений – ключевой элемент понимания современного мира. Данные изменения сегодня преимущественно протекают в рамках процессов глобализации и модернизации, хотя и другие силы и факторы – такие, как политика, война и революции – также могут вызывать масштабные социальные изменения. Модернизация – это процесс, в результате которого общества переходят к более высокому уровню развития, в то время как глобализация характеризует в первую очередь, связи и отношения, связывающие различные нации воедино.

Технологическое развитие, конкуренция и прогрессивные подходы к решению актуальных задач побуждают одни нации модернизироваться быстрее, чем другие, хотя следует отметить, что практически все нации прошли через ту или иную стадию модернизации в XX веке. Немецкий политолог У. Бек комментирует этот феномен следующим образом: «Подобно тому, как модернизация в XIX веке разрушила феодальное общество и создала индустриальное, так и сегодня модернизация разрушает индустриальное общество и способствует формированию новых форм Модерна» [2, с. 10].

Модернизация, в свою очередь, стимулирует глобализацию как процесс. Как отмечал в свое время английский социолог Э. Гидденс, глобализация – это процесс развития экономических и социальных отношений, который распространяется на весь мир [11]. Современные технологии делают возможным формирование глобальных сетей финансов, коммуникаций и торговли, и образования, которые связывают воедино людей, корпорации и правительства. Глобализация не означает, что все общества мира сливаются в единую нацию; скорее, она означает, что все нации мира становятся более взаимозависимыми.

Помимо этого, сами государства становятся частями единой «мир-системы» [23].

Решения, идеи и инновации, возникающие в рамках социальных, экономических и политических отношений, перерстают национальные границы и связывают людей между собой сильнее, чем когда-либо в истории.

Где лежат те глубинные причины происходящих изменений? Американский политолог и эксперт по международным отношениям Дж. Розенау выделяет пять фундаментальных процессов, обозначающих разрыв с традиционными политическими акторами и порождающими глубокие изменения в политике феноменами:

- переход от индустриального к постиндустриальному порядку, прежде всего с точки зрения последствий «микроэлектронной революции» для систем информации и коммуникации;

- формирование новых «проблемных сфер» мировой политики (защита окружающей среды, борьба с распространением наркотиков, бедностью, СПИДом и др.);

- кризис централизованного государства с точки зрения снижения его способности к решению возникающих проблем;

- усиление субсистем (регионов и др.) в связи с процессами децентрализации;

- скачкообразное расширение возможностей людей [17].

Все это подвело Розенау к заключению о том, что место авторитета в политической системе будет снова «локализовано» и «реконструировано». По мнению Розенау, этот процесс будет протекать в двух основных направлениях, когда авторитет будет одновременно передаваться как «наверх» – надна-

циональным институтам, и «вниз» – субнациональным (в том числе территориальным) единицам.

С учетом протекающих сегодня процессов в политической науке сегодня все чаще обсуждается вопрос об отказе от традиционного понимания «государственного суверенитета» в пользу новых концепций и подходов. Век централизованных и иерархически организованных национальных государств, сформировавшихся в эпоху после Великой Французской революции, сегодня растворился в «новом Средневековье» регионализации. Рассуждая о проблемах государства как института, следует помнить, что современное государство стремится решать все меньше проблем, используя традиционные ресурсы управления, и все чаще вынуждено прибегать к «гибким стратегиям». Государство в конце XX века действует «в сетях внутрисоциальных и транснациональных взаимоотношений» [18]. В свою очередь, повышение способности общества к принятию решений сегодня все больше связывается с процессами децентрализации и деиерархизации, что требует использования более тонких управленческих технологий, в том числе в культурно-информационной сфере.

Так, дополнительные возможности для осуществления государственного управления представляет сегодня стремительное развитие и распространение новых информационных и телекоммуникационных технологий, которые приобретают сегодня характер глобальной информационной революции. Эти процессы оказывают все большее влияние на политику, экономику, управление, финансы, науку, культуру и другие сферы жизнедеятельности общества как в рамках национальных границ, так и в мире в целом. Степень важности указанных изменений была зафиксирована в Окинавской хартии глобального информационного общества, гласящей: «Информационно-коммуникационные технологии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI века».

Подобное быстрое распространение локальных и глобальных коммуникационных сетей создает принципиально новое качество информационного обмена, в том числе и международного, а также создает принципиально новые инструменты воздействия на общественное мнение, усиливая значение культурно-информационных аспектов глобализации.

В итоге информация и знания становятся одним из стратегических ресурсов государства, масштабы использования которого практически сопоставимы с использованием традиционных ресурсов. Доступ к информационным ресурсам становится одним из факторов социально-экономического развития государств. В свою очередь, формирование системы сетевых связей между относительно автономными системами (самоорганизации и управления) дает государствам возможность адекватно реагировать на всю совокупность современных вызовов.

В конечном итоге успех государства в современном мире предполагает опору на совокупность

капиталов. Об этом писал в свое время выдающийся французский социолог Пьер Бурдьё, полагавший, что современное государство, выступающее как «ансамбль административных и бюрократических полей», сегодня вносит решающий вклад в создание инструментов конструирования социальной реальности» [7, с. 48]. Успех государства в современных условиях зависит от комбинации капитала (экономического, социального и культурного), причем на первые роли выходит культурный капитал, воплощением которого является совокупность актуальных символов государства, его «содержательный образ» [3, с. 183 – 198]. Именно с экспансией культурного и символического капитала, воспроизводимого и транслируемого с помощью информационных сетей, многие исследователи связывают феномен так называемой «коммуникационной революции», на рассмотрении которого следует остановиться подробнее.

Новые информационные технологии и подъем «сетевого общества»

Такие термины, как «коммуникационная революция» или «информационная революция» являются недостаточными для объяснения протекающих сегодня процессов. Речь при этом идет о чем-то большем, чем о простой возможности более быстрого обмена послания или о доступе к базам данных электронных библиотек. В долгосрочной перспективе мы можем говорить о трансфере власти от прежде влиятельных институтов к группам и отдельным личностям. Реальные изменения, происходящие благодаря влиянию Интернета, представляют собой революцию в системе контроля, что означает масштабную трансформацию в управлении информацией, знаниями и ресурсами [19, с. 10].

Навыки, которыми обладают сегодня обычные люди, в корне отличаются от тех, которыми обладали люди предшествующих поколений. Глобальное телевидение, Интернет, факс, и-мэйл, компьютер и несколько позже мобильный телефон... предоставили отдельным людям возможность изменять их навыки способом, позволяющим более успешно адаптироваться к вызовам усложняющегося мира.

Наиболее важное следствие распространения новых информационных технологий и «информационной революции» касается ее влияния на те способы, с помощью которых взаимодействуют друг с другом отдельные индивиды и организации [17].

До времени массового распространения новейших технологий таких, как и-мэйл и Интернет, наибольшая часть этих взаимодействий имела иерархический характер, осуществляясь внутри организаций или при их посредничестве. Прежние иерархии имели формально установленный характер, обладали системой рангов и позиций, что позволяло направлять нисходящие потоки власти и политические директивы, благодаря чему все межорганизационные иерархии имели сугубо вертикальный характер, будучи дополненными неформальными иерархиями престижа, влияния и власти. Горизонтальные сети,

существование которых стало возможным благодаря новым информационным технологиям, дополнили собой уже существующие формальные и неформальные иерархии. Следствием возросшей способности различных акторов к образованию сетевых структур стал настоящий «организационный взрыв», связанный с массовым формированием новых организаций и ассоциаций в современную эру. На каждом уровне человеческого сообщества в любой из частей мира продолжается процесс формирования новых организаций, само существование которых поддерживается не столько иерархическими структурами, сколько сетями.

Так, например, исследование процесса роста транснациональных сетей показало, что количество транснациональных НПО с 1990 по 1999 годы возросло с 6 до 21 тысячи. Не менее впечатляющими являются возросшие дееспособность и эффективность сетевых организаций, пытавшихся воспрепятствовать проведению саммита ВТО в Сиэтле, когда 1500 НПО подписали направленную против ВТО декларацию в режиме он-лайн, что, по мнению экспертов, свидетельствовало о подрыве влияния «центральных правительств» и утрате лидерства «командными структурами», от которых оно отныне перешло к «полицентричным структурам, которые невозможно «обезглавить» [21].

Следует особо отметить, что иерархии дополняются, но не замещаются сетями. Тот факт, что сети стали главной формой человеческой организации, не означает, что иерархии отныне обречены на уничтожение. Ибо всегда будет сохраняться необходимость в определенной иерархии, во власти, устроенной таким образом, чтобы это позволяло ей решительным образом урегулировать возникающие конфликты и адаптировать политику высшего руководства в ситуации, когда консенсусные соглашения недостижимы на низшем уровне иерархии в организациях любого типа. В современный период динамика происходящих трансформаций способствует размыванию и даже разрушению иерархических структур, однако наличие подобного паттерна не позволяет пока прогнозировать их полное упразднение.

Не следует считать горизонтальные сети новой формой организации. Сети, которые возникают из сетевой коммуникации, являются одной из характеристик человеческих устремлений. Подобные взаимодействия стали возможными уже после появления в XIX веке паровых судов, почтового сообщения и телефона – в первой половине XX столетия. Однако первоначально эти технологии были доступны только элите и недоступны остальному обществу. Сегодня, благодаря эффектам «информационной революции», горизонтальные обмены стали не просто возможными, но главное – заметно снизилась цена на этот вид услуг. Как следствие, горизонтальные сети перестали быть однозначно связанными с обладанием такими ресурсами, как богатство и власть. Сегодня именно обычные граждане получили облегченный доступ в Интернет. Выражаясь в терми-

нах эпохи новых технологий, «колоссальный рост новой инфраструктуры включает в себя не только Интернет, но также кабельные, сотовые и спутниковые системы, сдвигающих баланс от одноканальных медиа (традиционные радио и телевидение) к многоканальным интерактивным СМИ. Колоссальный рост глобальной взаимосвязанности является результатом облегчения доступа к новым технологиям для многих наций, равно как и результатом возросшего внимания большого числа акторов к использованию данной инфраструктуры для осуществления различных видов коммуникации» [17, с. 267].

Иными словами, информационная революция ведет к «революции отношений». В рамках масштабных сетей и взаимоотношений, возникающих в малых группах, люди в рамках локального и глобального миров все более активно вовлекаются в разнообразные и углубляющиеся отношения, что в итоге порождает тренд, предполагающий изменение не только личных навыков, но и самих людей и системы их связей в рамках макроколлективов. Последствия их включения в динамично развивающиеся взаимоотношения могут быть весьма значительными для взаимодействий между микро- и макроуровнями общественной организации. Некоторые наблюдатели, например, утверждают, что процессы, протекающие в рамках локального и глобального миров могут сегодня развиваться таким образом, что будут способствовать уменьшению внутригрупповых напряжений [10, с. 211].

Действительно, информационная революция облегчает существенные изменения в том, что мы называем «гражданским обществом», областью которого является частная сфера, для объединения усилий граждан в рамках которой не требуется наличие финансовых ресурсов. По мере того, как НПО и сети распространяются и взаимопересекаются в мире, становится возможным информировать, координировать и мобилизовывать индивидов в разных частях мира, имеющих общие цели, желание посвятить им свое время и энергию. Распространение адвокатских сетей изменяет масштаб мировых дел и существенно изменяет сам ход событий. Формируется или нет гражданское общество в мировом масштабе, очевидно, что именно сети становятся ключевым актором глобального мироустройства.

Наблюдаемый нами «взрыв» новых социальных структур, возникающих в разных областях человеческой деятельности, ведет нас к неизбежному заключению: в качестве исторического тренда, ключевые функции и процессы информационной эры во все возрастающей степени осуществляются и протекают вокруг сетей. Сети формируют новую социальную морфологию нашего общества, и распространение сетевой логики существенно модифицирует характер деятельности и полученные результаты в процессах производства опыта, власти и культуры. Пока сетевые формы социальной организации существовали в ином пространстве и в иное время, парадигма новых информационных технологий создает материальный базис для экспансии

сетей в рамках всей социальной структуры [5, с. 469].

Подъем информационных сетей облегчает обмен технологиями. Повсеместное внедрение сетей изменяет масштабы и формы деятельности политической власти. Сама власть в отношении технологий отныне может быть рассмотрена и понята в рамках (терминах) способности (инструментальная и структурная власть) и с учетом способности информационных технологий создавать новые идентичности и задавать новую повестку дня (т. н. «мета-власть»). Внедрение сетей изменяет характер и масштабы государственного управления. Локусы власти, порядка и легитимности сдвинулись от государства по направлению к более плюралистическим и адвокатским акторам.

Осуществление транзакций через сети приняло сегодня такие масштабы, что все концептуальные подходы так или иначе ведут речь о сетевых организациях. В той или иной форме различные научные школы осмысливают сетевые эффекты, говоря об акторах, являющихся объектом исследования для различных школ международных отношений. Розекранц (1976) предпочитает в этом случае говорить о т. н. «сетевом государстве» [15, с. 277]; Дейберт (1997), Дж. Аркила и Д. Ронфельд (1997) ведут речь о «сетевой безопасности», требующей качественно нового подхода к обеспечению безопасности в «информационную эру» [8]; Д. Шпар и Д. Буссганг (1996) – о «сетевых рынках» [20, с. 19 – 27]; Г. Джерефи (1995) – о сетевых транснациональных предприятиях» [9, с. 100 – 142]; Дж. Мэтьюз (1997), М. Кек и К. Сиккинг (1999) – о созданных на основе неправительственных организаций «адвокатских сетях» [13]; практически все формы сетевых организаций, преобладающих сегодня в мировой политической экономии, осмысливаются Дж. Аронсоном (2002) [1, с. 39 – 62], Р. Кеохэйном и Дж. Наем (1998) [12], и прежде всего – М. Кастельсом (1998, 1997, 1996) [4].

Говоря словами М. Кастельса, сети формируют «новую социальную морфологию наших обществ, и распространение сетевой логики существенно модифицирует технологии и результаты деятельности в процессах производства, исследовательской, властной и культурной деятельности» [6, с. 469].

Рассматривая информационные технологии в качестве нейтральных, мы рассматриваем их в качестве предварительных условий, но не прямых стимулов к действию. Мы видим в них средство, которое способно влиять на процессы, формировать общеполитический контекст, способствовать либо препятствовать их протеканию в определенном русле, позволять либо запрещать определенное действие, но не определять содержание и характер политического действия или процесса.

Таким образом, восприятие информации как изначально нейтрального феномена не должно игнорировать саму возможность ее превращения в знание, и посредством этого – во власть. Более справедливым выглядит утверждение, что инфор-

мация и информационные технологии облегчают осуществление того, что принято называть «мягкой властью» [14, 31], которую принято отличать от традиционных форм власти. И как показывают войны в Косово и в Ираке, военный потенциал и сама реализация стратегий безопасности сегодня в значительной степени зависят от информационных технологий.

Пока же, несмотря на наличие многочисленных способов, которыми может реализовываться «мягкая власть», это не упраздняет изначально нейтрального характера информационных технологий. Повторимся, что все, что зависит от того, как истеблишмент и правительство генерируют и используют технологии, и как сама общественность интерпретирует информацию и знания, которые принадлежат ей. Существует совсем немного случаев, когда информационные технологии имели причинную динамику, тогда уровень знаний сообщества являлся однородным и разрывов в уровне знаний внутри сообщества не существовало.

Нет смысла лишний раз говорить о том, что информация имеет ключевое значение на политической сцене. Что изменяется – так это контекст, в котором совершается политический выбор. По тому, как развиваются политические технологии, изменяются и рамки приемлемого выбора. Среди другого, например, технологические инновации ставят вопрос о том, как рамки выбора расширяет масштаб информации среди тех, кто информационно богат, и среди тех, кто информационно беден. А также то, как разрыв между богатством и бедностью изменяет контекст, в рамках которого различные акторы взаимодействуют и изменяют друг друга.

В то же время контекстуальные факторы пока не слишком занимают внимание политологов, изучающих современные мировую политику и систему международных отношений. Равно как и то, каким образом информационные технологии влияют на сам контекст, в котором осуществляются мировые дела?

Однако не следует преувеличивать степень и масштаб влияния информационных сетей на глобальные процессы. Ни у кого сегодня не вызывает сомнений способность технологий продвигать изменения. Однако они не предопределяют их. Эффект сетевого воздействия на государства, бизнес и международные организации может породить определенные детерминистские суждения. Тем не менее два момента развития наиболее важны для понимания того, как технологии влияют на подъем сетевых структур и вытеснение ими прежних организационных форм. Скептики в отношении возможностей информационных технологий часто ставят под сомнение не сами эффекты, но технологические изменения, которые им способствуют. В этой связи важно понять то, как влияет технология на осуществление власти и управления в контексте этой проблемы.

Литература

1. Aronson, J. D. Global Networks and their Impact / J. D. Aronson // J. N. Rosenau, J. P. Singh (eds.). Global Communications and International Relations. – SUNY: Buffalo Press, 2002.
2. Beck, U. Risk Society Toward a New Modernity / U. Beck. – London: Sage, 1992.
3. Bourdieu, P. Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital, in: Kreckel, Reinhard (Hrsg.) Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2) / P. Bourdieu. – Göttingen: Otto Schwartz & Co., 1983.
4. Castells, M. End of Millennium, The Information Age: Economy, Society and Culture Vol. III. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1998; The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture Vol. II. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1997; The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture Vol. I. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996
5. Castells, M. The Rise of Network Society / M. Castells. – 1999. – Vol. 1.
6. Castells, M. The Rise of the Network Society / M. Castells // The Information Age: Economy, Society and Culture. – Vol. I.
7. Chauvire, Ch. Le vocabulaire de Bourdieu / Ch. Chauvire, O. Fontaine. – Paris: Ellipses, 2003.
8. Deibert, R. J. Parchment, printing, and hypermedia: communication in world order. – Columbia: University Press, 1997; Arquilla J., Ronfeldt D. In Athena's Camp: Preparing for Conflict in the Information Age. – Santa Monica; California: Rand Corporation, 1997.
9. Gereffi, G. Global production systems and third world development / G. Gereffi // B. Stallings (ed.): Global change, regional response: The new international context of development. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
10. Gergen, K. J. The Self in the Age of Information / K. J. Gergen // Washington Quarterly. – Vol. 23 (winter 2000).
11. Giddens, A. Sociology / A. Giddens. – Cambridge, UK: Polity Press, 1989.
12. Keohane, R. O. Power and Interdependence in the Information Age / R. O. Keohane, J. Nye. – Longman; New York, 2001.
13. Mathews, J. T. Power Shift / J. T. Mathews // Foreign Affairs, January / February, 1997; Keck M. E., Sikkink K. Activists beyond borders. – Ithaca: Cornell University Press, 1998.
14. Nye, J. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. Nye. – New York: Public Affairs Group, 2004.
15. Rosecrance, R. N. America as an ordinary country / R. N. Rosecrance. – Cornell University Press, 1976.
16. Rosenau, J. Distant proximities: dynamics beyond globalization / J. Rosenau. – Princeton; N. Y.: Princeton University Press, 2003.
17. Rosenau, J. Distant Proximities: Dynamics beyond Globalization / J. Rosenau. – Princeton: Princeton University Press, 2003.
18. Rosenau, J. The relocation of authority in a shrinking world / J. Rosenau // Comparative Politics. – Vol. 24. – 1992. – Nr. 3.
19. Scharpf, F. W. Die Handlungsfähigkeit des Staates am Ende des zwanzigsten Jahrhundert / F. W. Scharpf // Politische Vierteljahresschrift. – 1991 – Nr. 4.
20. Shapiro, A. L. The Control Revolution / A. L. Shapiro. – New York: Public Affairs, 1999.
21. Spar, D. L. Ruling the Net / D. L. Spar, J. J. Busgang // Harvard Business Review. – 1996, May-June.
22. The Economist. December 11, 1999.
23. Wallerstein, J. The Modern World-System / J. Wallerstein. – New York: Academic Press, 1989.